

Содержание

От редактора

7

Соглядатай

Повесть

11

Рассказы

Обида

97

Лебеда

111

Terra Incognita

122

Встреча

134

Хват

146

Занятой человек

160

Музыка

177

Пильграм

186

Совершенство

207

Случай из жизни

223

Красавица

233

Оповещение

240

От редактора

Набоков приступил к сочинению «Соглядатая» в конце 1929 г. в Берлине, вернувшись к своей идее помертвой «инерции» жизни, развитой им в стихотворной драме «Смерть» (1923). Повесть была окончена в феврале следующего года и в середине марта передана редактору журнала «Современные записки» И. И. Фондаминскому. 16 мая 1930 г., приехав к матери в Прагу, Набоков писал жене: «Семья моя поняла “Соглядатая” в том смысле, что герой в первой главе умер, а душа его потом перешла в Смурова»^{*}.

Журнальная публикация состоялась в 1930 г., после чего Набоков заручился обещанием «Петрополиса» и «Современных записок» выпустить повесть отдельным изданием, однако эти планы не осуществились. Книга вышла только в 1938 г. в новом издательстве «Русские записки», выпускавшем одноименный журнал и печатавшем книги в Шанхае. 3 мая 1938 г. издатель «Русских записок» М. Н. Павловский писал Набокову из Шанхая:

^{*} *Набоков В. Письма к Вере / Коммент. О. Ворониной и Б. Бойда. М.: Колибри, 2017. С. 175. (Здесь и далее – прим. ред.)*

Дорогой Владимир Владимирович,
Мы приступили к печатанию Вашей книги рассказов и обнаружили, что если в нее включить все данные Вами рассказы (21), то получится не менее 350 стр. — формата изданий «Петрополис» $5\frac{1}{2} \times 7\frac{3}{4}$ дюймов. Так как увеличить пропорционально цену нет практической возможности, мы надумали следующую комбинацию. В одну книгу (под заголовком «Соглядатай») мы дадим 13 рассказов: Соглядатай, Обида, Лебеда, Тегга Incognita, Встреча, Хват, Занятой человек, Музыка, Совершенство, Пильграм, Случай из жизни, Красавица и Оповещение. Это составит книжку в 230–240 страниц.

Остальное мы хотели бы издать второй книгой <...> Сделать это мы можем, конечно, при условии Вашего на то согласия. <...>

Мой искренний привет Вам, Вашей супруге и обоим — Митеньке.

Ваш М. Павловский*

Набоков ответил согласием, и 3 июня 1938 г. Павловский выслал для него в Париж экземпляры напечатанного сборника. 29 июня Набоков писал Павловскому из Ментоны: «Получил 2 экземпляра “Соглядатай” и аванс за “Весну в Фиальте” (полторы тысячи фр.<анков>). Благодарю вас. Мне чрезвычайно по-

* Письма М. Н. Павловского к Набокову см.: *Шруба М.* «Меценат изумительный!»: издательская деятельность М. Н. Павловского // Издательское дело российского зарубежья XIX–XX в. / Отв. ред. П. А. Трибунский. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 106–107.

нравилась внешность “Соглядатая” — и у вас гениальный корректор!»*

Подготовленный Дмитрием Набоковым при участии автора английский перевод «Соглядатая», под названием «The Eye», вышел в нью-йоркском издательстве «Phaedra» (рассказы переводились и печатались отдельно). В предисловии к английскому переводу повести Набоков обрисовал ее время действия и круг персонажей:

Время повествования — 1924–1925 годы. Гражданская война закончилась четырьмя годами раньше. Ленин только что умер, но его тиранический режим продолжает здравствовать. Двадцать немецких марок стоят чуть меньше пяти долларов. Между апатридами, живущими в том Берлине, что описан в книге, встречаются люди самых разных состояний, от нищих до преуспевающих коммерсантов. К этим последним принадлежит Кашмарин, Матильдин *cauchemaresque*** муж (вероятно, бежавший из России южным маршрутом через Константинополь), равно как и отец Евгении и Вани, пожилой господин, который умело руководит лондонским отделением одной немецкой компании и держит танцовщицу. Кашмарин относится к сословию, которое англичане называют «средним», но две барышни, живущие в доме номер 5 на Павлиньей, явно благородного происхождения <...> что не мешает им иметь мещан-

* Там же. С. 107.

** Кошмарный (*фр.*).

ские литературные вкусы. Муж Евгении, человек с мясистым лицом и с фамильей, которая на теперешний слух звучит несколько комично, служит в берлинском банке. Полковник Мухин, неприятный сухарь, воевал в 1919 году в армии Деникина, а в 1920-м — Врангеля, говорит на четырех языках, имеет холодные, светские манеры и верно будет преуспевать на теплом местечке, на которое его прочит будущий тесть. Роман Богданович — остзеец, в котором больше немецкой культуры, чем русской. Чудаковатый еврей Вайншток, женщина-врач, она же пацифистка Марианна Николаевна, и сам повествователь, ни к какому классу не относимый, суть представители разнообразной русской интеллигенции*.

Вошедшие в сборник рассказы публиковались в журнале «Современные записки», газетах «Сегодня» и «Последние новости» («Пильграм» — 1930 г.; «Обида», «Лебеда», «Terra Incognita», «Встреча», «Занятой человек» — 1931 г.; «Хват», «Музыка», «Совершенство» — 1932 г.; «Красавица», «Оповещение» — 1934 г.; «Случай из жизни» — 1935 г.).

Настоящее издание печатается по тексту сборника 1938 г. с исправлением замеченных опечаток и приведением написания некоторых слов к современным нормам.

* Перевод Г.А. Барабтарло.

Соглядатай

Повесть

Посвящается моей жене

1

С этой дамой, с этой Матильдой, я познакомился в мою первую берлинскую осень. Мне только что нашли место гувернера — в русской семье, еще не успевшей обнищать, еще жившей призраками своих петербургских привычек. Я детей никогда не воспитывал, совершенно не знал, о чем с детьми говорить, как держаться. Их было двое: мальчишки. Я чувствовал в их присутствии унижительное стеснение. Они вели счет моим папиросам, и это их ровное любопытство так на меня действовало, что я странно, на отлете, держал папиросу, словно впервые курил, и все ронял пепел к себе на колени, и тогда их ясный взгляд внимательно переходил с моей дрожащей руки на бледно-серую, уже размазанную по ворсу пыльцу. Матильда бывала в гостях у их родителей и постоянно оставалась ужинать. Как-то раз шумел проливной дождь, ей дали зонтик, и она тогда сказала: «Вот и отлично, большое спасибо, молодой человек меня проводит и принесет зонт обратно». С тех пор вошло в мои обязанности ее провожать. Она, пожалуй, нравилась мне — эта

разбитная, полная, волоокая дама с большим ртом, который собирался в пурпурный комок, когда она, пудрясь, смотрелась в зеркальце. У нее были тонкие лодыжки, легкая поступь, за которую многое ей прощалось. От нее исходило щедрое тепло: как только она появлялась, мне уже мнилось, что в комнате жарко натоплено, и когда, отведя восвоеси эту большую живую печь, я возвращался один среди чмокания и ртутного блеска безжалостной ночи, было мне холодно, холодно до омерзения. Потом приехал из Парижа ее муж и стал с ней бывать в гостях вместе, — муж как муж, я мало на него обратил внимания, только заметил его манеру коротко и гулко откашливаться в кулак, перед тем как заговорить, и тяжелую, черную, с блестящим набалдашником трость, которой он постукивал об пол, пока Матильда, восторженно захлебываясь, превращала прощание с хозяйкой дома в многословный монолог. Муж спустя месяц отбыл, и в первую же ночь, что я снова провожал Матильду, она предложила мне подняться к ней наверх, чтобы взять книжку, которую давно увещевала меня прочесть, — что-то по-французски о какой-то русской девице Ариадне. Шел, как обычно, дождь, вокруг фонарей дрожали ореолы, правая моя рука утопала в жарком кротовом меху, левая держала раскрытый зонтик, в который ночь была, как в барабан. Этот зонтик, — потом, в квартире у Матильды, — распятый вблизи парового отопления, все капал, капал, ронял слезу каждые полминуты и так наплакал большую лужу. А книжку взять я забыл.

Матильда была не первой моей любовницей. До нее любила меня домашняя портниха в Петербурге, тоже полная и тоже все советовавшая мне прочесть какую-то книжку («Мурочка, история одной жизни»). Обе они, эти полные женщины, издавали среди телесных бурь тонкий, почти детский писк, и мне казалось иногда, что не стоило проделать все, что я проделал, то есть, помирая со страху, переехать финскую границу (в курьерском поезде, правда, и с прозаическим пропуском), чтобы из одних объятий попасть в другие, почти тождественные. К тому же Матильда стала вскоре меня томить. У нее был один постоянный, гнетущий меня разговор — о муже. Этот человек — благородный зверь. Он меня бы убил на месте, если бы узнал. Он обожает меня и дико ревнив. Он в Константинополе шлепал одним французом об пол, как тряпкой. Он страстен до жути. Но в своей жестокости он красив. Я старался переменить разговор, но это был Матильдин конек, на который она садилась плотно и с удовольствием. Образ мужа, создаваемый ею, было трудно слить с обликом человека, которому я так мало уделил внимания, и вместе с тем мне было чрезвычайно неприятно думать, что, может быть, это вовсе не ее добротная фантазия и действительно сейчас в Париже, почуя беду, таращит глаза, скрипит зубами и сильно дышит через нос ревнивый изверг.

Бывало, плетусь домой, портсигар пуст, от расцветного ветерка горит лицо, как после гри-ма, каждый шаг отдается гулкой болью в голове, и вот, поворачивая так и сяк мое плохонькое сча-

стье, я дивлюсь, я жалею себя, я чувствую уныние и страх. В самом деле: человеку, чтобы счастливо существовать, нужно хоть час в день, хоть десять минут существовать машинально. Я же, всегда обнаженный, всегда зрячий, даже во сне не переставал наблюдать за собой, ничего в своем бытии не понимая, шалея от мысли, что не могу забыть-ся, и завидуя всем тем простым людям — чиновникам, революционерам, лавочникам, — которые уверенно и сосредоточенно делают свое маленькое дело. У меня же оболочки не было. И в эти страшные, нежно-голубые утра, цокая каблуком через пустыню города, я воображал человека, потерявшего рассудок, оттого что он начал бы явственно ощущать движение земного шара. Ходил бы он балансируя, хватаясь за мебель, или садился бы у окна, возбужденно улыбаясь, как пассажир, который в поезде вам вдруг говорит: «Здорово шпарит!» Но вскоре, от всей этой шаткости и качки, его стало бы тошнить, он сосал бы лимон и лед, ложился бы плашмя на пол, и все — понапрасну. Движение остановить нельзя, машинист слеп, а тормоза не найти, — и умер бы он от разрыва сердца, когда скорость стала бы невыносимой.

И я был так одинок. Матильда, которая лукаво спрашивала меня, не пишу ли стихов, Матильда, которая на лестнице или у подъезда искусно науськивала меня на поцелуй, только чтобы иметь повод отряхнуться и страстно прошептать: «Сумасшедший мальчик...» — Матильда, конечно, была не в счет. Кого же я еще знал в Берлине? Секретаря благотворительного общества, семью, где слу-

жил гувернером, владельца русского книжного магазина Вайнштока, старушку немку, у которой прежде снимал комнату, — вот и обчелся. Таким образом, всем своим беззащитным бытием я служил заманчивой мишенью для несчастья. Оно и приняло приглашение.

Было около шести. Воздух в комнатах по-сумеречному тяжелел, я едва различал строки смешного чеховского рассказа, который спотыкавшимся голосом читал моим воспитанникам, но не смел включить свет: у них было, у этих мальчишек, странное, недетское тяготение к экономности, гнусная какая-то хозяйственность, они в точности знали, сколько стоит колбаса, масло, свет, различные породы автомобилей... И, читая им вслух «Роман с контрабасом», тщетно пытаюсь их развеселить и чувствуя стыд за себя и за бедного автора, я знал, я знал, что они отлично видят мою борьбу с сумеречной мутью и холодно следят, выдержу ли я до той минуты, когда в доме напротив, подавая пример, зажжется первая лампа. Я выдержал и был награжден светом. Только что я приготовился придать голосу большую живость (приближалось самое уморительное место в рассказе), как вдруг из прихожей позвал телефон. Мы были одни дома, мальчики сразу вскочили и бросились наперегонки по направлению к звону. Я же остался сидеть с раскрытой книгой на коленях, нежно улыбаясь прерванной строке. Оказалось, что вызывают меня. Я сел в хрустящее кресло, приложил трубку к уху. Мои ученики стояли подле — один справа, другой слева, невозмутимо меня сторожа. «Сейчас